

Ученики вокруг замедляли шаг, смущённые и заинтригованные: они толком не понимали, послышалась им эта дерзость или нет. Каждый бросал на сцепившуюся компанию изумлённые, испытующие взгляды.

Лу Вань застыл как вкопанный. Не ожидая столь откровенного отпора, он окончательно растерялся; на его обычно спесивом лице застыло глуповатое замешательство.

К тому же тяжёлый, леденящий взгляд Лу Чжи внушал настоящий страх. Лу Вань непроизвольно шевельнул губами, но так и не решился выдать ни звука.

Цзян Цзиня зрелище развлекло ещё больше. Он будто впервые по-настоящему заметил Чи Цзиньсяня, о котором раньше лишь слышал от Лу Чжи. С нескрываемым любопытством оглядев юношу с ног до головы, Цзян Цзинь перевёл взгляд лишь после того, как Лу Чжи одарил его предупреждающим прищуром и сухо кашлянул.

В конце концов Цзян Цзинь не выдержал и тихо фыркнул: этот Чи Цзиньсянь показался ему забавным и даже милым.

Этот смешок заставил Чи Цзиньсяня вздрогнуть и очнуться. Он резко обернулся к Цзян Цзиню. В чужом лице не проскальзывало издёвки — чистая, искренняя весёлость, — но именно от этой непосредственности к щекам Цзиньсяня мгновенно прилила горячая волна стыда.

Лишь сейчас до него дошло, какую несусветную чушь он вылил на окружающих!

Лоб пылал огнём. Казалось, разбей сейчас о его голову яйцо — оно тут же зашипит и превратится в яичницу.

Импульс опередил мысли. Не успев придумать отговорку и не дав себе времени сквозь землю провалиться, Цзиньсянь ляпнул ладонью по лбу — словно и впрямь опасался, что туда кто-то пристроит яйцо. Хлопок вышел звонким и ощутимым.

Лу Чжи нахмурился. Цзян Цзинь вздрогнул, решив, что парень сейчас нокаутирует сам себя.

— Я... я ляпнул не подумав... — пробормотал Чи Цзиньсянь, закрыв ладонью поллица. — Просто пошутил.

Цзян Цзиня эта сцена искренне забавляла. Понимая, что сейчас смеяться не совсем вежливо, он всё равно не мог сдержать улыбки — уж больно хорош был Цзиньсянь в своём смущении. Лишь повторный, крайне недружелюбный взгляд Лу Чжи заставил его кивнуть и согнать с лица веселье, хотя в глазах всё ещё читалась ирония.

Чи Цзиньсянь не смел поднять глаз на Лу Чжи. Позавчера, когда раскрылось богатство его семьи, он и то не переживал так сильно — тогда его волновала лишь перспектива остаться без

совместных обедов. Но происходящее сейчас было полнейшим позором! Ладно крутить подобные бредни у себя в голове, но выдать такое во всеуслышание, да ещё и в присутствии самого объекта вождения...

К гадалке не ходи: завтра он опять станет главным инфоповодом всей школы. Эх.

Понурился, он едва слышно пробурчал:

— Я просто хотел отповедь дать... Зачем он на меня наезжает?

Лу Чжи отмалчивался. Цзиньсянь изнывал от тоски: только-только с горем пополам выпросил прощение, изобразив несчастного, и вот опять всё испортил. Как-никак Лу Вань — сводный брат Лу Чжи, не следовало так с ним обходиться.

Поколебавшись и выдержав суровую внутреннюю борьбу, Цзиньсянь со вздохом проговорил:

— Ладно... Сегодня я тогда с тобой обедать не пойду. Можно завтра присоединюсь?

Впрочем, слова расходились с делом: он застыл на месте, а столовая карта прилипла к его ладони так крепко, словно составляла с ней единое целое, и расставаться с ней хозяин явно не собирался.

Цзян Цзинь окончательно сорвался на откровенный, наглый хохот:

— Сяньцзинь, а может, ты за мной начнёшь ухаживать? Я, чур, сразу согласен!

— Заткнись, — выкрикнули они одновременно, так слитно, что слова смешались.

— Не вариант, — тут же добавил Чи Цзиньсянь. Крепче сжав карточку, он на полном серьёзе заявил: — Мне нравится только брат Лу.

Сказано это было с абсолютной искренностью и предельно чётко. Правда, помня о недавнем позоре, Цзиньсянь не стал кричать на весь коридор, а произнёс это тихо — так, чтобы слышали только свои.

Цзян Цзинь, хоть и шутил, услышав столь безапелляционное признание, мгновенно умерил пыл. Ему даже захотелось ругнуться, но воспитание взяло верх, заставив сохранить вежливое выражение лица.

Зеваки, притормозившие было неподалёку в надежде ухватить ещё пару сочных подробностей, уловили мрачное настроение Лу Чжи и предпочли поскорее испариться.

Пока разворачивалась эта драма, успело пройти достаточно времени, и из столовой уже повалили сытые ученики. Чи Цзиньсянь невольно погладил себя по животу.

Есть хотелось зверски, но ведь он сам только что гордо пообещал не навязываться. Настоящий мужчина должен держать слово, так? И едва Чи Цзиньсянь принялся мужественно убеждать себя пойти пообедать в одиночестве, как Лу Чжи небрежно уронил:

— Что, сердечная болезнь уже прошла?

— А? — Цзиньсянь на миг опешил, но тут же вспомнил вчерашний бред про «тяжёлый душевный недуг, который поддаётся лечению исключительно совместными трапезами». Голос его мгновенно взлетел: — Есть! Ещё как есть! Брат Лу, я тебе говорю, болезнь эта редкая: вылечить трудно, но если знать секрет — раз плюнуть! Тебе просто надо...

Цзян Цзинь пошёл вместе с ними, оставив ошарашенного Лу Ваня далеко позади и решительно не понимая, о каком недуге идёт речь.

В столовой поток школьников уже поредел. Чи Цзиньсянь аккуратно обогнул идущих навстречу ребят и воодушевлённо рванул к раздаче.

Назвав работнице привычные блюда и расплывшись в слащавом «спасибо», он приложил карту к считывателю. Но стоило ему взглянуть на табло, как рука дрогнула, а глаза округлились.

Вчера на карте оставалась тысяча валюты Альянса. Сегодня же там красовалась кругленькая сумма — двадцать тысяч валюты Альянса!

Учитывая, что учиться в выпускном классе оставалось всего год, этой суммы не проесть и за три разовых обеда в день!

Само собой, Чи Цзиньсянь привык к куда большим деньгам, но видеть такое состояние на обычной школьной карте — исключительно ради обедов — было дико.

Принесши сначала поднос Лу Чжи, Цзиньсянь поставил свою порцию рядом с ним и вознамерился сесть по правую руку, однако Лу Чжи молча постучал пальцем по столу, указывая на место напротив.

Усевшись напротив и немного подумав, Цзиньсянь покорно позвал:

— Брат Лу...

Тот вскинул взгляд, но ничего не ответил.

— А ты не слишком много денег на карту закинул? — вкрадчиво поинтересовался Цзиньсянь.

Лу Чжи опустил глаза и продолжил есть, проигнорировав вопрос.

— А? — Цзян Цзинь, подсевший к ним с подносом, с любопытством переспросил: — Чего там?

Поскольку Лу Чжи делиться подробностями не собирался, а Чи Цзиньсянь умел читать по его лицу, юноша быстро замотал головой и зауныкал с набитым ртом — мол, «ничего-ничего», — с усердием принимаясь за еду.

Цзян Цзинь только и смог, что потерять дар речи.

На обратном пути Чи Цзиньсянь притормозил и отлучился в уборную. Занимая лестничный пролёт, Цзян Цзинь не удержался от вопроса:

— Эй, Лу Чжи, ты и впрямь ничего не чувствуешь к Чи Цзиньсяню?

Лицо Лу Чжи оставалось непроницаемым.

— Ничего, — ответил он без тени сомнений.

— Вообще совсем? — с изумлением уточнил Цзян Цзинь, качая головой.

Лу Чжи промолчал, что в его репертуаре означало исчерпывающее «да».

— Хм-м, — озадаченно протянул Цзян Цзинь. — А чего ты тогда последние два года позволяешь ему таскаться за тобой повсюду?

Лу Чжи на мгновение замер и одарил его ледяным взглядом:

— Я его не просил.

И правда: Цзиньсянь сам хвостиком ходил за ним изо дня в день. Палку не перегибал, но и выставить его за дверь не удавалось.

Цзян Цзинь усмехнулся — то ли в шутку, то ли всерьёз:

— А если я начну за ним ухаживать? Мне как раз по душе такие оптимистичные, жизнерадостные и забавные Омegi. Тебе-то всё равно до него дела нет, так ведь? — он ткнул Лу Чжи локтем в бок.

Поднявшись на третий этаж, Лу Чжи направился к кабинету своего класса. Не поведя и бровью, он равнодушно бросил:

— Делай что хочешь.

Теперь Цзян Цзинь окончательно убедился: Лу Чжи ровным счётом ничего не испытывает к Чи Цзиньсяню. Ни капли собственничества — бери и забирай. Услышь это Цзиньсянь, наверняка расстроился бы до слёз.

Но тут Лу Чжи добавил:

— Всё равно нравится ему не ты.

Остановившись у задней двери класса, Лу Чжи взялся за ручку и смерил Цзян Цзиня взглядом, в котором сквозила чистейшая, небывалая для него жалость.

Цзян Цзинь оторопел:

«Типа нравится не я, а ты, да?»

«... А ведь так и есть!»

От внезапного укола досады лицо Цзян Цзиня одеревенело. Не зная, как реагировать, он вымучил фальшивую ухмылку.

Лу Чжи толкнул дверь и неоконченно заронил:

— И он далеко не...

— О? Брат Лу, вы только пришли? Что у входа встали? — раздался голосок Чи Цзиньсяня, который стряхивал с пальцев капли воды, стоя прямо за ними.

Лу Чжи, загораживавший проход, вежливо отступил в сторону, распахнул дверь шире и пропустил его вперёд.

Видя, что Лу Чжи собирается зайти вслед за Цзиньсянем, Цзян Цзинь торопливо окликнул его:

— Эй! Не кто? Договаривай давай!

Но дверная створка с щелчком захлопнулась у него перед самым носом.

Первый понедельник нового учебного года подходил к концу. За десять минут до последнего звонка классный руководитель десятого класса третьего года обучения Гао Мин отложил мелки и поинтересовался, не желает ли кто-нибудь переизбрать старосту и актив класса.

Выборы проводились ежегодно — формальность, соблюдаемая даже при неизменном составе учеников.

Обычная рутина.

И эта рутина не продержалась и минуты: весь класс единодушно поднял руки, заявив, что никаких перевыборов не нужно — пусть всё остаётся как в прошлом году.

Ребятам нравилось, что их староста — сам Бог Лу: учится идеально, авторитет непререкаемый, так что и к их классу окружающие относились с особым почтением (пусть даже это чувство уважения было чистой воды самовнушением).

Но всех всё устраивало. Сделать старосту своего рода иконой школьных лет — почему бы и нет?

С этой недели приходящие ученики оставались только на один урок самоподготовки, а обитатели общежития учились до десяти вечера.

Первый час вечерних занятий пролетел незаметно.

Смелость, покинувшая Чи Цзиньсяня ровно на день, вернулась в полном объёме сразу после того, как он получил карту Лу Чжи. Едва прозвенел звонок, он осторожно потянул Лу Чжи за лямку рюкзака, а когда тот повернулся, с боевым задором приготовился выпалить очередное признание в любви.

И, разумеется, был бесцеремонно перебит.

Ничуть не упав духом, Цзиньсянь улучил момент, тихонько засунул любовное письмо с алой розой в боковой карман его рюкзака и весело помахал на прощание.

Вернувшись домой и переступив порог, Лу Чжи сразу услышал доносившийся из гостиной шум.

— Младший папа, я не хочу жить в общежитии, ну замолви за меня слово перед отцом! — капризный, обиженный голос Лу Ваня звучал совершенно иначе, чем днём: от бывшего высокомерия не осталось и следа.

— Разговоры с отцом не помогут, — мягко ответил молодой мужчина. — Лу... Твой брат сказал, что ты должен жить в школе.

— Да с какой стати я должен его слушать?!

Словно не замечая присутствия людей, Лу Чжи с размаху захлопнул за собой дверь.

Громкий, сухой стук заставил голоса в гостиной мгновенно стихнуть.

— Сяо Чжи, ты вернулся? — моложавый мужчина, заметив его, состряпал приветливую улыбку и поинтересовался с наигранной заботой.

Лу Чжи смерил его холодным взглядом — тяжёлым, не допускающим возражений предупреждением.

Поняв этот бессловесный приказ, мужчина тут же споткнулся и поправился:

— Лу Чжи.

Взглянув на Лу Ваня, нетрудно было догадаться, насколько красив Ай Доянь. Если Лу Чжи пошёл в отца, Лу Цзышэна, то Лу Вань полностью унаследовал внешность и манеры своего младшего папы.

Впрочем, Лу Вань оставался всего лишь подростком, и ему было далеко до искушённой, утончённо-коварной манерности Ай Дояня.

Многие Альфы сходили с ума по подобным типажам, даже несмотря на то, что тот являлся Бетой.

У Беты нет репродуктивной камеры, они не способны вынашивать детей — однако Ай Доянь каким-то образом умудрился родить Лу Ваня.

— Отец дома, все вопросы к нему, — безучастно отчеканил Лу Чжи, всем видом демонстрируя, что не намерен терпеть чужие перекладывания ответственности.

Получив сегодня отпор в школе, Лу Вань затаил обиду, но дома не смел перечить старшему брату.

В конце концов, пожевав губы, он выцедил лишь тихое:

— Брат, я не хочу жить в общежитии...

Слово «брат» явно вызвало у Лу Чжи отвращение. Он поморщился, не желая продолжать бессмысленный разговор, и молча направился к лестнице.

Ещё в тот день, когда Ай Доянь с сыном впервые переступили порог дома, Лу Чжи поставил условие: пока он живёт под этой крышей, Лу Вань не должен мозолить ему глаза.

Либо сидит у себя в комнате и не отвечает, либо отправляется в школьное общежитие.

И хотя правило соблюдалось не всегда строго, его никто не отменял.

Для всего внешнего мира существовал лишь один законный наследник семьи Лу.

В роду Лу хватало влиятельных старейшин помимо адмирала Лу Цзышэна, но даже останься адмирал единственным главой, статус Лу Чжи как единственного сына от законного брака оставался незыблемым.

— И ещё, — Лу Чжи неожиданно замер на середине лестничного пролёта и обернулся. Его взгляд, устремлённый на Лу Ваня сверху вниз, дышал ледяным равнодушием. — Следи за языком. Чтобы я больше такого не слышал.

Голос звучал без единой эмоции, но потяжелевшие, тёмные глаза таили в себе вполне ощутимую угрозу. По спине Лу Ваня пробежал липкий холодок, а вдоль позвоночника змейкой прошёл нервный озноб.

Услышав шум, из кабинета вышел адмирал Лу Цзышэн.

Проходя мимо него, Лу Чжи даже не подумал сменить суровое выражение лица. Он лишь сухо бросил:

— Отец.

Подтвердив, что позже спустится к ужину, юноша скрылся у себя в спальне.

Карманный коммуникатор, будто выждав подходящий момент, коротко вибрировал.

Лу Чжи достал устройство. Сегодня днём, поддавшись неизвестному порыву, он изменил имя одного из контактов.

И прямо сейчас от контакта с заметкой Разбалованный любимчик пришло сообщение:

[Брат, ну дай шанс! Давай встречаться? Я буду о-о-очень послушным~]